

Глеб Иванович Успенский

Подозрительный бельэтаж

Глеб Иванович Успенский

Подозрительный бельэтаж

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666495

Аннотация

«...Статья Успенского является ярким образцом выступлений писателя-демократа против буржуазно-дворянской идеологии и ее носителей. Она направлена против М. Н. Каткова, реакционного публициста, которого В. И. Ленин называл «верным псом самодержавия». Успенский с гордостью говорит о том, что он не принадлежит к дворянской литературе «бельэтажа», и заявляет о своих демократических убеждениях...»

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Подозрительный бельэтаж

I

...Не так давно деревенское уединение мое было нарушено весьма неприятным обстоятельством: случилось мне прочесть в литературном обозрении «Голоса» о том, что «Русский вестник» поместил статью, посвященную литературе о народной жизни, где осрамил всех пишущих о народе¹ (а я тоже маракую по части разных очерков и отрывков из крестьянской жизни) самым постыдным образом. Не то огорчило меня, что автор статьи причислил себя к «литературе

¹ В газете «Голос», 1882, № 126, 13 мая в еженедельном фельетоне Арс. Введенского «Литературная летопись» была разобрана статья реакционного публициста П. К. Щебальского «Наши беллетристы-народники», помещенная в кн. V журнала «Русский вестник» за 1882 год. В ней говорилось о том, что беллетристика, печатающаяся в журнале, – это «бельэтаж», «чистые комнаты» литературного здания. «Остальная беллетристика, это – чердаки и подвалы, грязные чуланы и никогда не вентилируемые, никогда не подметаемые спальни, задние двory с кучами мусора». «Знаменем этой литературы является Салтыков-Щедрин, а во главе «молодой фаланги» идет Глеб Успенский». Арс. Введенский высмеивает критика «Русского вестника», разбирая недостатки повестей, помещенных в той же книжке журнала, и обвиняет его в доносе на молодую литературу за ее «связи с нигилизмом».

бельэтажа»², к литературе парадных комнат, а всех нас наименовал литературою кабака и харчевни, заднего двора и черной лестницы; не то, что в посрамление нас он торжественно указал на великие имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя и противопоставил им «всех этих» «разных семинаристов»; не то, наконец, что наши несчастные очерки и отрывки из деревенских дневников он привел в связь с крамолой, нет! Все это давным-давно известно, а главное, все это не может быть опровергаемо и, стало быть, нисколько не может волновать «этих разных семинаристов». В самом деле, разве я не знаю, что, например, я, один из «этих семинаристов», не похож на Пушкина? Разве я не знаю, что «Русский вестник» литература бельэтажа? Разве я не знаю, что «крамола» чудится этому бельэтажу литературы во всем и что нельзя написать «отрывка» из деревенского дневника и затронуть в нем хоть каплю из бесчисленных и настоятельных деревенских нужд, чтобы какой-нибудь литературный сыщик не указал на тебя как на человека, которого следовало бы истребить? И чем я виноват, что я родился не в бельэтаже? Родись я в бельэтаже, а бельэтажный критик в лакей-

² Вот подлинные слова поругания: «Сильно ошибся бы тот читатель «Русского вестника», который стал бы заключать по беллетристике «Русского вестника» о нашей современной беллетристике вообще. Повести и романы «Русского вестника» >это – *бельэтаж*, чистые комнаты нашего литературного здания. Но в этом здании есть чердаки и подвалы, есть грязные чуланы и никогда не вентилируемые, никогда не подметаемые спальни, есть задние дворы с кучами мусора». Так вот в этот-то мусор и упрятывает г. Щебальский нас, «пишущих» о народе.

ской, тогда он бы был представителем литературы кабака и харчевни, а я забрался бы в бельэтаж... Все от бога, господа, и в этих делах ничего не поделаешь. А они ругаются и за то, что родился не в бельэтаже, и за то, что не Пушкин. Но, милостивые государи, ведь и вы тоже не Пушкины. Разве господин Катков похож на Лермонтова или разве г. Щебальский напоминает Гоголя?

Повторяю, не это меня взволновало и раздосадовало; на все это, право, можно бы ответить и весело и остроумно, если б была охота и если бы наша жизнь не была так тягостна и так упорно не хотела хоть чем-нибудь облегчить угнетенную душу русского человека. Меня взволновала, благодаря этой критике, именно эта самая жизнь, жизнь деревенская, окружающая меня. Тысячу раз я говорил себе, что надо бросить писать о деревне, что теперь «поздно», что очерки и отрывки, при условиях, которыми окружена подобного рода литературная работа, бесплодны, не нужны, потому что не могут выразить всей многосложности того *ненужного зла*, которое введено в народную жизнь упорными и ужасными, по бессердечию, усилиями и с которым теперь деревня принуждена разделяться «своими средствами». Вот этот-то прилив обессиливающей тоски, тоски, прекращающей в конце концов всякую работу мысли, всякую возможность ощущать, будучи живым, что-нибудь, кроме страшного холода внутри и вне, вот в такое-то мучение и повергла меня статья бельэтажного критика. Она опять и в усиленной степени воскре-

сила эту действительность деревенскую, от которой не знаешь, куда уйти, чтобы хоть здоровьем-то физическим запасть; она, доказывающая, что «очерки» и «отрывки из дневников» – ничтожество и посрамление литературы, сделала то, что сама действительность, которую «очерки и отрывки» не отражают и в самой ничтожной степени, вдруг встала во всем своем грозном безобразии и стала давить, гнести, царапать, рвать и мучить всеми муками, на какие способно без нужды, без смысла раздраженное существо. В самом деле, какие уж тут «отрывки» и «очерки»!

II

Чтобы хоть мало-мальски успокоиться от этого волнения, которое, я знал уж, не могло кончиться ничем, кроме упадка физических сил, я вновь взялся за газету, в которой было напечатано литературное обозрение; мне хотелось отвлечь мое волнение от мучительной действительности и сосредоточить его на чем-нибудь таком, что бы дало мне возможность хоть как-нибудь облегчить мое волнение, чего действительность не дает; думаю: перечитаю фельетон, проберу (мысленно) г. Каткова, проберу (мысленно) г. Щебальского, вот мне и станет легче. Взял я с этою целию фельетон и стал его перечитывать и, к величайшему моему удивлению, с первых же строк не только стал успокаиваться и перестал волноваться, но был поглощен соображениями совершенно новыми и неожиданными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.